

# СМЕРТЕЛЬНАЯ ПЕРЕПРАВА

Летопись Великой Отечественной войны полна героики. Но не менее и трагична. Каждый день ее был кровав, разрушителен, смертоносен. А были дни в судьбе как отдельных бойцов, так и целых формирований, которые поныне отзываются особенно саднящими воспоминаниями. Для партизан Третьей Клетнянской бригады таким стал день, точнее, ночь — ночь 12 июня 1943 года. Об этом эпизоде партизанской войны, по жертвам превзошедшим все другие испытания, которые выпали на долю бригады, уже писали. Непосредственно участвовал в тех событиях и сотрудник «Брянского рабочего» Семен Григорьевич Шерман. Предлагаем вашему вниманию его воспоминания.

Уже почти месяц длилась очередная — а по замыслу фашистского командования генеральная — блокада клетнянских лесов — северо-западной базы отрядов брянских партизан. Враг завершал подготовку к наступлению на Орловско-Курской дуге, и ему во что бы то ни стало хотелось обезопасить свой, в сущности, прифронтовой тыл. Никаких реальных результатов он не добился, а лишь измотал и обескровил в непрерывных схватках с народными мстителями собственные регулярные части. Но, что и говорить, нелегко достались эти недели сражений с карателями и партизанам. Деревни и поселки вокруг были врагом сожжены, жители их убиты или угнаны, и кормить партизан стало некому.

На помощь с Большой земли — оружием, боеприпасами, медикаментами — тоже рассчитывать не очень приходилось; лесные аэродромы были блокированы. Все больше раненых ложилось на плечи измотанных бесконечным передвижением и боями, недосыпанием и недосыпанием бойцов. А тут еще, как на беду, день и ночь лили дожди, и уже трудно было разобрать, где болото, а где твердая почва под ногами...

Обрисовав общую обстановку, позволю себе теперь привести запись из моего сохранившегося партизанского дневника:

«11 июня. У реки Ипуть. Вчера рано утром ушли из района Мамаевки. Ночью немцы обложили лесные кварталы, а утром стали сжимать кольцо. Мы вышли из этого кольца и за последние сутки... без всякого отдыха прошли не менее 80 километров (хотя по прямой здесь едва 30 наберется)...

Вчера мы оставили в густом сосняке раненых. Рвущая сердце картина... С ними осталась команда стариков и женщин. Глебов плакал. Просил: «Пристрелите меня, товарищи!» И так многие... Это вынужденный шаг. Бригада может погибнуть. Ей надо вырваться и оторваться. А на раненых, рассчитываем, немцы не наткнутся — пойдут по нашим следам.

Идем в Белоруссию... Затем вернемся. Сейчас большой отдых. А лучше было бы, наверное, перебраться за Ипуть. И отдыхать — ведь до реки два-три километра».

Помнится, я делал эту запись уже близко к полудню, когда мы стали пробуждаться от тяжелого сна, свалившего нас рано утром в молодом сосняке... Мучили голод, жажда, щемили сердце мысли об оставленных раненых товарищах. А поверх всего слух внедрял в нас нарастающее беспокойство: что-то слишком шумно становилось вокруг острова-перелеска. Командование бригады не распространяло донесения дозоров и разведки, но и без этого нетрудно было догадаться: враг рядом, и неспроста со всех сторон доносились рев моторов да лязг гусениц. Неспроста что-то вынохивает сверху стервятник — «рама».

Каратели настigli и плотно обложили бригаду, надеясь на завтра покончить с ней. И ночью мы прорывались. И прорвались. Форсировали Ипуть и ушли за нее. Оставив мертвыми в реке и на ее берегах, считай, каждого десятого...

Спустя 39 лет, в 1982-м, мы с писателем Юрием Когинным и партизанским врачом Арамом Туманяном не сразу нашли то

место. Выросли и разрослись сосны, образовав уже настоящий темный бор. Где распахан, а где захвачен кустарником луг, запомнимшийся плотным туманом и росистой травой по пояс, в которую падали, словно бесследно проваливаясь, автоматчики нашей первой цепи прорыва. Густым инвьяком отгеснелся некогда открытый левый берег реки, куда мы вышли, не зная без потерянных в начале боя проводников, где брод. И сама Ипуть как бы сжалась, сеохлась, обнажив незнакомые песчаные косы и островки — тогда она показалась куда как грознее, да и впрямь была разбухшей от многодневных дождей. И вообще, тогда была ночь, пусть расплепленная взрывами, рассеянная фонарями-ракетами, но ночь, а теперь — осенний, пасмурный, но день.

Лишь в третий раз, продравшись сквозь лозьяк и выйдя на влажный песок у самой воды, замерли: здесь!.. Да и беленький обелиск, который наконец разглядели невдалеке на противоположном берегу, подтвердил: здесь, здесь это было. Меня вдруг огушило сердцебиение.

Сердце мое, похоже, слишком резко, не по нынешним годам, помчалось в прошлое. И там, в ускоренном, совсем уже немилым темпе повторило все сначала. Гнало меня и гнало туда и обратно по голому тогда, с трех сторон простреливаемому берегу, в редующей шапки защитников которого уже трудно было разобрать, кто живой, а кто мертвый. Гнало, заставляя еще и еще раз проверить, не остался ли кто из моего взвода. Потом, все-таки впопыхах, толкнуло меня в воду — в чем и с чем был: в шинели, с вещмешком за спиной, дисками на поясе и автоматом на шее.

Да и толкнуло не в том месте, а как раз в гущу тонущих. И кто-то и меня потянул вниз и раз, и другой, и оно, мое сердце, захлебнулось, засбило, судорожно затрепетало, обжигающе тревожно вопрошая меня: «Это все? Неужели все?».. И я ответил, что да, все, конец — сил уже совсем не было, сознание уходило. Но оно, видать, не согласилось, не хотело согласиться и спустя какие-то непроглядные мгновения-вечности вновь подало свой трепетный голос: «Не все!.. Не все!» Я открыл глаза и увидел, что течением меня вынесло на речной поворот и голова моя и плечи лежат на корягах уже у правого берега. И сердце поднатужилось и подняло меня из воды. И, не давая отдышаться и справиться с головокружением и болью в легких от натекшей в них влаги, повело опять в строй сражающихся товарищей...

Сейчас мы могли себе позволить передышку. В молчании. Врозь. Здесь, у самой кромки, воды, нас обожгли чья-то кровь, страдания и мужество, унесенные временем и Ипутью, и тем не менее не исчезнувшие, не смытые...

— Вот где-то здесь застрелился Евсеев, — проговорил, сделав несколько шагов по берегу, Арам Туманян. Ему, руководителю медсанслужбы бригады, выпало тогда всякое пережить. В том числе и это.

... Лишь под самый рассвет удалось навести какой-то порядок на переправе: кто-то из уже



преодолевших Ипуть разыскал жерди, связал их и протянул на левый берег. Появилась наконец возможность помочь переправиться раненым этой ночью.

— Я пробирался от одного раненого к другому, перевязывал и успокаивал как мог. Ничего другого не оставалось: даже собрать всех в какое-либо укрытие не было возможности, потому что и укрытия не было. Увидел Василия Евсеева, командира взвода, — вспоминал Туманян. — У него было раздроблено левое бедро, ранение тяжелое, двигаться Евсеев совсем не мог. Наложив повязку, я решил сходить за прутьями, которые должны были заменить шину. «Потерпи, — сказал я ему, — сейчас вернусь». Но не успел сделать и десяти шагов, как услышал позади выстрел. Бросился назад, а он уже мертв. Не понадеялся, значит, на помощь, побоялся попасть в руки врага...

Потом Араму Аркадьевичу пришлось помогать переправиться жене Евсеева Паше. Она ничего не знала о муже, в темноте и суглобе потеряла его и считала, что он уже со своим взводом на том берегу. Паша была беременна, совсем скоро должна была родить. Накануне ее оставили в укрытии с тяжелоранеными, но она наотрез отказалась...

Одной из самых чувствительных наших потерь была гибель комиссара отряда имени Чапаева Федора Брука! Учитель из поселка Бежичи, что под Брянском, он ушел в сорок первом в партизаны вместе со многими своими учениками. Но не только этим объяснялось редкое душевное расположение к нему бойцов. От добродушного, улыбающегося, деликатного комиссара никто, кажется, никогда не слышал прямого приказа — в манере обращения с людьми он так и остался интеллигентным учителем. «Вы возьмете на себя это задание, верно ведь?» — говорил он в случаях, когда ему приходилось распоряжаться. И вообще его речи более всего была присуща вопросительная интонация, и каждый раз получалось так, что подчиненный собеседник его сам, самостоятельно приходил к нужному выводу или решению. Как ни при ком другом, при комиссаре стеснялись грубых слов и брани, хвастовства, лжи.

И при всем том не то что прямое обращение — уже одна ссылка на сказанное комиссаром была предельно авторитетна. Куда более «начальственный» по статусу своей и натуре, хотя также очень человечный, командир отряда Андрей Сергеевич Горбачев, будучи и сам чрезвычайно привязан к своему комиссару, очевидно, учел его свойства, когда весной отправился по вызову на Большую землю и за себя оставил именно Брука.

Комиссар, замещающий командира, Федор Наумович Брук и утонул в Ипуте. Он, как впоследствии выяснилось, плавать совсем не умел. Но и виду не по-

дал, что смертельно рискует. В момент смятения и замешательства комиссар спокойно пошел через реку — дескать, смотрите, ничего страшного нет. Это-то бойцы видели, а вот как он исчез, никто не заметил.

Тело Брука узнали потом в отряде: вынесло на песчаную косу у Подлужского хутора, в полтора-двух километрах от места переправы. На этом хуторе, говорили, его втайне от врага и похоронили.

Мы решили побывать на Подлужском и неожиданно встретились здесь с человеком, имеющим к этой истории самое непосредственное отношение, — Федором Львовичем Куриленко.

— Днем двенадцатого, когда немцы смотались, — рассказал он, — я пришел сюда и заметил на берегу странный бугорок. Это и был мой тезка, Брук, я ж его знал. Кто-то чуток присыпал песком... Я разгреб, отнес на бугор, закопал как следует, рядом на дереве выщарапал: «Комиссар Брук». А когда после войны собирали в братские могилы, отвезли в Цинку.

Нас, разумеется, заинтересовало знакомство Куриленко с Бруком.

— А как же, — объяснил Федор Львович, — я и вашего командира Горбачева знал, и еще кое-кого из чапаевцев. Мы ж соседями были!

Выяснилось, что Куриленко сам был партизаном — сперва в Мглинском отряде, затем его выпросили к себе в разведчики шестаковцы, пришедшие в эти места из-за линии фронта и нуждавшиеся в знаках округа. Отряд Шестакова миновала ипутская чаша, но вот совпадение: Куриленко и еще два разведчика этого отряда в ночь с одиннадцатого на двенадцатое июня находились как раз здесь. Они выполняли свое задание, помочь друзьям из Третьей бригады могли разве что советом, но драматические события разыгрались на их глазах.

На Ипуть мы через день вернулись. Но прежде навестили еще одно памятное место — расположенное, вообще-то, в отдалении от этой реки, но в сознании нашем связанное с ней в один узел. Особенно оно памятно Туманянам — врачу-хирургу Араму Аркадьевичу и операционной сестре Валентине Андреевне, пришедших в партизанский отряд имени Чапаева еще и с третьим членом семьи — годовалой дочуркой Ниночкой.

Коль упомянуть дочь Туманянов, не могу удержаться от описания одной сценки — в качестве продолжения моего прежнего рассказа. В прошлом году в Бордовичах под Брянском собрались на традиционную встречу «чапаевцы». Приехали, как обычно, и Арам Аркадьевич и Валентина Андреевна. Но на этот раз не одни — впервые на свою родину выбралась их дочь. И вот она предстала пред некогда опекавшими ее бойцами, и один из них, бывший начальник штаба отряда Федор Петрович Каме-

нев, сказал: «Дорогая Ниночка! Позволь по старой памяти так тебя называть. Мы хотим заглядеть перед тобой одну свою вину. Тогда, в лесу, у нас не было возможности одарить тебя настоящей игрушкой. Только подобие куколочки сумели наши ребята сделать из веточек и бинта, но и та потерялась в опасном зимнем выходе из вражеского окружения. Так прими сейчас вот это...» — И он преподнес ей большую красивую куклу. И «Ниночка», Нина Арамовна, тридцатидевятилетний ленинградский инженер, сама мать двоих детей, никак не могла выговорить слово в ответ — стояла, улыбалась и плакала...

Родилась дочь у Туманянов в Деремне, в селе, где до ухода в отряд они создали и больше года сохраняли тайный госпиталь. Тайный, конечно, для оккупантов. Местные жители не только знали о нем, но и всеми силами помогали оказавшимся в окружении военным медикам лечить, выхаживать и переправлять к партизанам раненых. В Деремну-то мы и наведались.

Туманянов встречали и привечали прямо-таки породственному. Многие их помнят, все знают. В участковой больнице, на территории которой и действовал госпиталь, вышел чуть ли не митинг. Главный врач Магомед Омарович Омаров — аварец по национальности, питомец Дагестанского мединститута, он уже двадцатый год очень толково ведет это лечебное учреждение в русском селе — готов был «по всей форме» рапортовать, как перестроены и расширены некогда сгоревшие больничные здания, каким новым оборудованием оснащены.

Но больше всего запомнилась встреча с Надеждой Дмитриевной Гарбузовой.

Рука об руку с Туманянами работала в подпольном госпитале несколько местных медиков. В живых сегодня только она, Надежда Дмитриевна, фельдшер, получивший диплом Клиновской медицинской школы. Тогда она была Ковалевой и жила в Дивовке, что по соседству с Деремной. В госпитале не хватало работников — ведь в него Арам Аркадьевич собрал более ста раненых, к тому же разразился тиф, им заболели и медсестры... Словом, за Надеждой Дмитриевной пришли в Дивовку, и она немедленно собралась. Работала самостоятельно, ухитряясь, между прочим, сверх всяких своих обязанностей еще и нянчить младенца Ниночку Туманян, чья мама тоже лежала в тяжелом тифу.

Когда госпиталь выполнил свою функцию и Туманяны ушли к партизанам, Надежда Дмитриевна вернулась домой. И чудом спаслась здесь от расправы нагрянувших карателей. Они уничтожили Дивовку, растерзали более двухсот ее жителей. В том числе трех Надиных дядей в возрасте семидесяти-восемидесяти лет, двоюродную сестру с тремя малолетними детьми — младшей закололи штыками, у сестры отрезали груди, голову...

После освобождения Надежду Дмитриевну опять послали в Деремну, восстанавливать больницу. Восстанавливала, строила, добывала, носила медикаменты за двадцать пять километров, была и за врача, и за фельдшера, и за медсестру. Потом, понятно, стало понемногу легче, но все равно не щадила себя, не жалела. Все тридцать шесть лет отдала госпиталю-больнице.

— Ну, а теперь у меня есть смена. Вот сын Саша на больничной «скорой помощи» работает. Его жена, моя невестка, Ульяна — фармацевтом. Передалось им, передалось. А я и так скажу: наследство наше стоит того, чтобы беречь его...

С. ПАРОВ.

(«БР» за 10 и 12.02.1983 г.)